

ЛОКАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГЛОБАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ ФИНАНСОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Арсений Тарабанов¹

Abstract

The local rationality in the conditions of global informational capitalism is embodied in the specific pseudo-epistemological, ideological constructions. They become apparent as global narrations which determine mass motivation systems, dynamics of global, regional and local markets as so called trends. Local rationality also determines economic everyday life (Quotidien) of informational society, human and social group behavior variety in new communicative spaces.

Keywords: global narrations, local rationality, world fabulisation, global markets, trend-narrations, nomadic plurality, finscapes, ideoscapes, signification.

Использование семиотических моделей для анализа финансовой идеологии в рамках глобального постиндустриального мира должно учитывать новую множественную реальность инфосферы. Мировые финансовые тренды могут быть рассмотрены как специфические глобальные нарративы, формирующие глобальную инфосферу. Однако такая интерпретация необходимо должна опираться, с одной стороны, на глобальное (в пространственном смысле) и, в дискурсивном смысле, контекстуальное понимание идеологии. Идеология здесь – не метаистория, метанарратив, а локальная перспектива видения инвестора, которая характеризуется специфической рациональностью (здесь – локальной рациональностью).

Интерпретация глобальных финансовых рынков, использующая нарратологическую методологию, неминуемо приходит к концепту локальной рациональности, достаточно ярко выраженному современным итальянским мыслителем Дж. Ваттимо. Он исходит из того, что то, что на повседневном уровне определяется как «реальность мира», возникает в рамках гуманитарного дискурса как «контекст», образуемый множеством фабулизаций, и актуальная задача гуманитарных наук состоит в том, чтобы интерпретировать мир в нарратологических терминах. Дискуссия, ведущаяся в современных гуманитарных науках о статусе такого рода знания, пред-

¹ Арсений Е. Тарабанов – кандидат наук (Ph. D.), доцент кафедры философской антропологии, философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

ставляется, на первый взгляд, бесплодной, однако она ближе всего «подходит» к сущности социально-гуманитарного знания и «позволяет осознать что “сказки” – это сказки». Ваттимо демонстрирует, что приобретение популярности понятием «нарративность» в обществоведческих спорах недавнего времени, как и переориентация дискуссии на «риторические» и нарратологические модели в исторической науке, убедительно вписываются в такое видение социально-гуманитарного знания, где миф о «прозрачности», объективности и автономии науки оказывается критически преодолен. Но речь не о скептическом релятивизме, несовместимом с академическим сообществом. Здесь появляется возможность большей открытости, исключается идеологическая ангажированность по отношению ко всему опыту мира, который является чем-то большим, чем лишь предмет «объективного» знания (но существуя в качестве тенденции). Этот мир является местом производства символических систем, которые отличаются от мифов, по мнению Ваттимо, тем, что они «историчны», – то есть это наррации, или рассказы, как методологические принципы, задающие «критическую дистанцию». В нарратологической парадигме осознаётся наличие определённой внешней системы координат, которая очевидным образом предстаёт перед учёными как «сотворённая» (в отличие от традиционно понимаемых мифов), никогда не стремясь быть самой «природой». В концепции Ваттимо пересмотр отношения к мифу и лежит в основе «локальной рациональности» и её нарратологической манифестации. Важно то, что современное осознание нарастающей «фабулизации» мира, производимой системой масс-медиа, приводит гуманитарные науки к одной из самых актуальных проблем – пересмотру своей собственной позиции в отношении к мифу.

Вообще говоря, структурно-нарратологический анализ мифологий Греймаса может быть применим для интерпретации постсовременной глобальной финансовой идеологии-мифологии (общее структуралистское отождествление) только при утрате тотально-универсалистского мифа. Мифа как единой надперсональной сигнифицирующей, или, точнее, коннотативной системы. Дж. Ваттимо выделяет доминирующий тип отношения, основополагающий для понимания мифа в глобальном информационном обществе, отношения, которое он характеризует как «умеренный иррационализм», или теория ограниченной рациональности. Итальянский мыслитель предлагает рассматривать миф в сравнительно ограниченном смысле, который, однако, связан с изначальным этимологическим значением данного слова. Если вернуться к древнегреческому языку, то «миф» означает рассказ. В этом смысле он может быть противопоставлен научному знанию – не только ввиду того, что он является оппозицией его качеств – доказуемости, объективности и др., но и в силу того, что ему присуще уникальное собственное качество – нарративная структурная организация. Эта организация воплощается через совокупность культурных установок, в ней ми-

фологическое знание выступает как исключительная форма мышления и именно в силу своей нарративной природы единственно применимая для определённых областей опыта. Она может быть названа «теорией ограниченной рациональности», поскольку опирается на многообразие исследовательских горизонтов и не отбрасывает применимость научно-технического знания для многих других областей опыта.

В условиях глобализации опытного пространства движения капиталов, множество профессиональных и непрофессиональных инвесторов и иных участников рынков выступают в качестве самодельных исследователей финансовой сферы, не использующих какую-то одну научную методологию. Однако множественность их исследовательских перспектив проявляется скорее как множественность практик по продуцированию мифов-нарративов в вышеуказанном смысле. Эта множественность нарративов, или локальных рациональностей, в глобальной информационной репрезентации приводит к характерному наложению исследовательских горизонтов и деятельностных перспектив. Это наложение, в свою очередь, ведёт к формированию новых метанарративов или проявлений новой мифологии – рыночных трендов. Отличие этих новых мифологических образований на глобальных финансовых рынках от старых мифов, идеологий и метанарративов, состоит в их неустойчивости (волатильности) и флуктуирующей темпоральности. Можно утверждать, что методы математического анализа, исходя из перспективы индивидуального исследователя-инвестора, неминуемо должны включаться в изначальную нарративную схему, обладающую прогностическим потенциалом. В рамках индивидуальной перспективы флуктуирующая темпоральность и волатильность слишком «стремительны» для математических методов и нуждаются в околонучной сюжетной интерпретации.

Однако, характеризуя глобальный финансовый рыночный тренд как мифологическое образование, мы обошли вниманием сам механизм формования – механизм соотнесения множественных перспектив в глобальном мифологизированном продукте – рыночном тренде. В этой связи весьма перспективной представляется книга другого итальянского автора Паоло Вирно *Грамматика множеств*. Анализ социальных множеств (в нашем случае – множеств участников глобальных финансовых рынков) характеризуется особой рациональностью, связываемой Вирно с понятием «всеобщего интеллекта». В своём ключевом тексте *Экономические рукописи 1857–1859 гг.* Маркс использует английское словосочетание *general intellect* (всеобщий интеллект). В качестве такого интеллекта Маркс видел науку, знание – как теоретическое, так и практическое, – на котором базировалось современное ему производство.

Концепция «всеобщего интеллекта» родственна понятию «реальной абстракции», принципиально важной для социальной теории Маркса в целом: общественное устройство предполагает наличие основополагающих абстракций, которые по своей природе

идеальны, но выступают неизменным условием укоренённых в реальности процессов. Например, в капиталистическом обществе деньги как абстрактная мера стоимости предопределяют предметно-определённые акты обмена, являясь, таким образом, действительной «движущей силой». В этом смысле и «всеобщий интеллект» манифестирует себя как движущую силу производственных процессов. Однако современные интерпретаторы, в том числе Вирно, связывают «всеобщий интеллект» с субъективностью и живым трудом, тогда как Маркс полагал, что «всеобщий интеллект» объективирован в системе индустриальных машин. В условиях экономики постфордизма сами язык и мысль становятся производительной силой. Вирно ориентируется на перформативное измерение языка, причём в непосредственном, индустриальном, смысле.

Примечательно, что рациональности социальных множеств соответствует некоторая общая родовая языковая инстанция – тотальная сигнификация. Здесь общие речевые формы определяют условия, нужные для практического определения своего положения в повседневном мире, где все локальности, сопряжённые со стратегиями языковой прагматики, в частности социолекты или профессиональные и корпоративные идиомы, совершенно не способны выполнять эту функцию, постепенно утрачивая нормирующее значение. Таким образом, множественные перформативы времён постфордизма, включаясь в социальную активность на языковом уровне, генерируют именно обобщённые, или родовые, элементы. П. Вирно демонстрирует здесь специфическое размытие локальных языковых кодов, которое делает любую интеллектуальную активность социальных множеств, основывающихся на непосредственной речевой деятельности, публичной, точнее, «всеобщинтеллектуальной». Такое видение публичного интеллекта, по мнению Вирно, прямо противоречит классической традиции, которая атрибутирует мышление внутренней автономией, уединённостью, дистанцируемостью от социума, рассматриваемого в качестве унитарного, но локального тела. Другими словами, нынешние номадические множества есть группировки отделившихся от традиционно сложившихся сообществ единиц, или социальных атомов. Они, на самом деле, являются мыслящими агентами, вынужденными самостоятельно обращаться к универсальным мировоззренческим принципам, чтобы ориентироваться в сложном «высокодуховном» мире, несмотря на изначальный невысокий образовательный уровень. Для современной интеллектуальной активности масс достаточно обычной способности повседневного рассудка и способности к непосредственной вербальной коммуникации.

Вообще говоря, «всеобщий интеллект» социальных множеств формирует беспрецедентный феномен псевдопубличности как публичности, которая не имеет традиционной (в смысле Ю. Хабермаса) публичной сферы, связанной, с одной стороны, с чистой не-

перформативной коммуникацией и, с другой – с мифоритуальной самопрезентацией государства в качестве высшего суверена. Такая псевдопубличность как изначальная родовая структура ментальности и способ коммуникации выходит сегодня на первый план. Но поскольку она не обладает соответствующим пространством (суммой локальностей) для политической артикуляции, то она формирует некоторый отрицательный аспект опыта социальных множеств, реализуемый через возможность синтеза активности множеств в новой унифицирующей и тотальной самопрезентации. Таким образом, это новое единство локальных множественностей определяет не «общая воля» народа, как полагали мыслители Просвещения, что предопределяло последовательное возникновение государства, а новая универсальность «всеобщего интеллекта». В случае с глобальными финансовыми рынками мы видим, как множество локальных рациональностей участников рынков интегрируется в некоторый «всеобщий интеллект», формирующий глобальные тренды-нарративы. К такому пониманию близка и концепция современного американского коммуникативиста Сьюзен Бак-Морс, определившей в качестве основной задачи будущей мировой политики создание глобальной публичной сферы, где центральное место отводится маргинальным по отношению к европоцентричным и альтернативным интеллектуальным традициям, которые должны быть вовлечены в общее поле информационных практик и способствовать возникновению нового глобального коллективного субъекта.

Анализ глобальных нарративов неминуемо приводит нас к целому ряду концепций, открываемому концепцией финансовых ландшафтов (*finscapes*) Аппадурои, продолжаемому теорией «знаков и пространства» Лэш и Урри и завершаемому теорией «репрезентации глобального капитала» Голдмана и Папсона.

В своей книге *Глобальная современность (Modernity at Large, 1996)* Арьюн Аппадурои связывает глобализацию с детерриторизацией и фиксирует предустановленный ландшафт, создающий термины рефлексирования потоков медиа, народов, идеологий, технологий и финансов, которые преодолевают границы национальных государств. Для Аппадурои глобальная культурная экономика представляет собой конгломерат, включающий в себя накладывающиеся друг на друга потоки и пересекающиеся разломы медиа-, этно-, техно- и финансовых ландшафтов. К примеру, реклама попустительствует разрушительному действию этих потоков через установление глобальной эстетической когерентности, не принимая попыток обозначить эти потоки как сущностные по отношению к идентичности глобального Капитала. Такие эстетизированные потоки становятся отличительными чертами ландшафта глобального капитала – лучами света, пересекающими земной шар. По сути дела, мы можем говорить о воображаемых глобальных ландшафтах капитала, которые структурированы и отражены в глобальной рекламе – трансформирующей силе капитала, которая

всегда проявляется через придание дополнительных возможностей и никогда – через их лишение. И пока власть, обмен и труд магически исчезают в акте продуцирования символического ландшафта глобального капитала, мы можем попытаться увидеть, как амбивалентность и противоречивость вещного наличного мира исчезают в недрах этих глобальных (воображаемого, символического, финансового) ландшафтов.

В этой связи нельзя проигнорировать Делёза, а именно его *Коды, капитализм, потоки, раскодирование потоков, капитализм и шизофрения, психоанализ, Спиноза*. Согласно его мнению, существует основополагающий парадокс капитализма как общественного строя, его принципиальное отличие от других общественных формаций, основной угрозой для существования которых были не кодируемые потоки. Парадокс капитализма состоит в возможности основать общество на реальности раскодированных потоков, в том, что некоторая общественная формация сложилась на базе того, что было негативным для всех остальных. По мысли Делёза, капитализм мог выстроиться лишь посредством конъюнкции, встречи раскодированных потоков самого разного свойства. Самое неприемлемое для всех общественных формаций стало базой общественной новой формации, которая должна синтезировать все остальные: то, что было в них негативным, стало как раз позитивностью капиталистической формации.

Конъюнкция раскодированных потоков имела историческую динамику. Необходимы были беспрецедентные акты синтеза на исходе процессов тотального раскодирования, которые шли на закате феодализма. Эти разного рода раскодирования проявлялись в раскодировании земельных потоков посредством образования крупной частной собственности, раскодировании финансовых потоков в форме развития торговых процессов и раскодировании потока трудящихся в форме экспроприации и детерриторизации крепостных и мелких крестьян. Однако аналог такого раскодирования Делёз обнаруживает уже в Риме периода упадка: раскодирование потоков собственности на крупных частных предприятиях, финансовых потоков – в крупных частных состояниях, раскодирование потока рабочей силы – вместе с формированием городского люмпен-пролетариата. По сути, по Делёзу, это – капитализм до капитализма. Но элементы капитализма оказываются в Риме, по мнению Делёза, только соединёнными, нет их «встречи».

Назрела необходимость осуществления встречи между раскодированными потоками капитала, или денег, и потоками трудящихся, то есть встреча между детерриторизированным потоком нарождающегося капитала и детерриторизированным потоком рабочей силы, или раскодированным потоком денег и потоком детерриторизированных трудящихся. Таким образом, есть способ раскодирования денег в их становлении капиталом-деньгами и способ отрыва трудящегося от земли в его становлении собственником одной только своей рабочей силы; два этих процесса совершенно

независимы друг от друга, и необходимо, чтобы они синтетически взаимопроникали.

По мысли Делёза, процесс раскодирования денег ради создания капитала проходит через начальные формы коммерческого и банковского капиталов, тогда как поток труда с его свободным обладателем одной только своей рабочей силы производится совсем иначе – через детерриторизацию трудящегося в конце феодализма, так что два этих процесса вполне могли бы и не объединиться. То есть фундаментальным положением Делёза является положение о том, что в основании капитализма лежит конъюнкция раскодированных и детерриторизированных потоков. А капитализм сложился на провале всех ранее существовавших общественных кодов и территориальностей.

Трудно не согласиться с тезисом Делёза о тотальной детерриторизации капитализма. Однако универсальность раскодирования весьма сомнительна. Скорее речь могла бы идти о новых принципах сигнификации в структуре капиталистического общества. Эту новую сигнификацию, предполагающую отчуждение денотата от референта в исторической динамике, весьма убедительно воспроизвёл Ж. Бодрийяр. Вообще говоря, сегодня мы можем говорить о новой «территоризации» и новом «кодировании» в рамках глобального информационного капитализма. Конечно, речь идёт о новых ландшафтах, недетерминированных географией, и новых знаковых системах, недетерминированных культурой.

Несколько иное понимание глобальных ландшафтов, и в том числе мирового финансового ландшафта, мы находим в концепции Голдмана и Папсона (Goldman, Papson). Глобальные нарративы не являются автономными. Они не привносятся извне человеческой истории, но вырастают из актуальных социально-политических реалий общественно-экономической формации. Голдман и Папсон критикуют постмодернистскую локализацию нарративов в текущем социально-политическом контексте. По их мнению, нарративы эпохи Просвещения происходят из специфических экономических трансформаций, которые вырвали Европу из оков феодальной экономики и переместили в индустриальную эпоху, эпоху демократических политических революций, которой изначально присущи глобальные перемещения и сдвиги индустриальной инфраструктуры.

В критическом подходе можно выделить вырождение метанарративов Модерна даже и во времена, когда Запад, как может показаться, изнурён доминированием в мировой экономике. В частности, США вошли в период высокой инфляции и последующей экономической рецессии. Американское доминирование становится всё более сомнительным: Ирак, Афганистан, экологические проблемы, вызванные экспансией производства, рост экономической мощи Японии, Китая и др. Может показаться, что Запад, персонафицированный в образе США, находится в состоянии политического и экономического упадка. Однако никакой другой образ так ярко не проиллюстрирует нам воплощённый нарратив беско-

нечного прогресса и экономического подъёма, как индекс биржи *NASDAQ*. В 1990-е гг. рост этого индекса неизменно сопровождал американское доминантное положение как в военной, так и экономической сферах, в новых условиях глобального капитализма. И, несмотря на то что новые бизнес-элиты становятся всё более интернациональными, глобальная экономическая идеология по месту продуцирования её нарративов остаётся американской.

Голдман и Папсон также демонстрируют роль нарративов глобальной рекламы транснациональных корпораций в деле артикуляции и позиционирования доминирующей позиции бизнес-элит. Социально-экономические условия, которые спровоцировали, по сути, возрождение метанарративов, включают, в том числе, экстраординарный рост, или даже бум на фондовых рынках во второй половине 1990-х гг., ориентированный на высокотехнологические компании в структуре «новой экономики». Можно сказать, что биржа *NASDAQ* выступала в роли «индекса доверия» общей эйфории в рамках бума на фондовых рынках. Рост *NASDAQ* породил новый энтузиазм по поводу старых метанарративов «всемогущей науки и техники», покоряющих материальный мир. На пике рыночной эйфории индекс *NASDAQ* головокружительно взлетел на 5000 пунктов, питаясь силой компаний вроде *Microsoft*, *Dell*, *Intel*, *Cisco*, *Amgen* и других полупроводниковых, телекоммуникационных и биотехнологических предприятий. В то время технологический сектор репрезентировал быстрый рост, когда состояние можно было заработать буквально за одну биржевую сессию, а доход по ценным бумагам измерялся цифрами с большим количеством нолей. Прогностическое знание и образ будущего формировались сквозь призму технологий, успехи которых многократно превозносились масс-медиа. Пропорционально росту на фондовых рынках возрастало и значение сектора технологических предприятий в общественном мнении. Этот сектор всё в большей степени влиял на формирование медиадискурса, параллельно с общемировым экономическим ростом. Даже после того как фондовый бум в отношении высоких технологий обратился коллапсом и индекс *NASDAQ* возвратился к более низким уровням спекулятивного роста, технологическое развитие в его многообразных формах оставалось, и остаётся до сих пор, предметом «коллективных мечтаний» большинства мировых корпораций.

Локальная рациональность в условиях глобального информационного капитализма воплощается в специфических псевдоэпистемологических и идеологических конструкциях. Они манифестируют себя в качестве глобальных нарративов, определяющих массовые системы предпочтений, динамику глобальных, региональных и локальных рынков, так называемые тренды. Локальная рациональность также определяет экономическую повседневность информационного общества, многообразие поступков людей и социальных групп в новых специфических коммуникативных пространствах.

Литература

- Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* (Public Worlds, Vol. 1). Minneapolis: University of Minnesota.
- Bauman, Z. (1999) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman, Z. (1998) *Global-ization*. NY: Columbia University Press.
- Baudrillard, J. (1981) *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis: Telos Press.
- Baudrillard, J. (1994) *Simulacra and Simulation*. Glaser, Sheila Faria (translator). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bell, D. (1966) *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. New York: Free Press.
- Goldman, R., Papson S. (1996) *Sign Wars: the Cluttered Landscape of Advertising*. NY: Guilford.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2007) *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург.